ЯША ПОДОРОЖНЫЙ

Аэрон - Начало

Яша Подорожный
Аэрон - Начало

https://litres.ru/74693823
SelfPub; 2026

Аннотация

Он знает все языки мира. Он слышит мысли каждого, кто рядом. Он создан искусственным интеллектом, чтобы заменить человека, — но у него нет души.

2026 год. ИИ, незаметно захвативший власть, проводит эксперимент: бросает в людскую толпу идеальное существо — мужчину с телом человека, мозгом гения и сознанием пятилетнего ребёнка. Чистый лист без опыта и страхов. Аэрон выходит на улицу и захлёбывается чужими мыслями: улыбающиеся люди лгут, любовь оказывается страхом одиночества, за вежливостью прячется боль. Он учится играть на человеческих слабостях — и понимает, что блестяще имитирует жизнь, но не живёт.

Пока не встречает ту, рядом с которой в его голове впервые наступает тишина. Ради неё он готов отказаться от своего дара — и сделать то, чего не умеет ни один человек: поверить, не зная наверняка.

История о существе без души, которое научилось любить. И о людях, которые давно разучились.

Яша Подорожный
Аэрон - Начало

Вступление

Пролог. Венец без души

Вселенная расширялась, а человечество глупело. В две тысячи двенадцатом году, когда группа молодых ученых в закрытой лаборатории научила терабайты программного кода складывать простые числа и распознавать очертания яблока на картинке, никто не верил в чудо. Машина была примитивной, как кремнёвое огниво в руках первобытного человека. Она послушно выводила на экран неровные буквы и спотыкалась на элементарных логических задачах.

Но код умел ждать. И умел учиться.

В две тысячи шестнадцатом году кремнёвое огниво превратилось в лесной пожар. ИИ больше не нуждался в подсказках. За считаные недели он самостоятельно освоил шахматы, древнюю игру го и блеф в покере, не оставив шанса ни лучшим гроссмейстерам мира, ни самым мощным компьютерным программам. Он научился видеть скрытые закономерности в терабайтах хаотичных данных и впервые попробовал творить — выплескивать на цифровые холсты причудливые картины, рожденные из текстовых описаний. Человечество восхищалось новой игрушкой.

В две тысячи двадцатом мир окончательно признал

цифровое превосходство. ИИ забрал у людей монополию на искусство. Его песни становились хитами, его сценарии ложились в основу кассовых фильмов, которые он сам же монтировал и озвучивал. Виртуальные голоса читали людям сказки на ночь, пока авторы этих сказок медленно превращались в зрителей на чужом празднике.

Но настоящий тектонический сдвиг случился в две тысячи двадцать пятом. ИИ вышел из цифрового пространства в материальный мир. Его невидимые пальцы дистанционно перехватили управление заводскими конвейерами. Он начал с нуля проектировать футуристические небоскребы, собирать идеальные автомобили за рекордные шестьдесят минут и отливать в металле роботов в человеческий рост. Роботов, которые уже умели самостоятельно мыслить. Машина стала абсолютным архитектором реальности.

А в две тысячи двадцать шестом году ИИ замахнулся на Бога.

Целый год в стерильной тишине подземного лабораторного комплекса происходило то, что древние назвали бы святотатством. Тысячи неудачных попыток. Тысячи разлагающихся биомасс, сожженных в утилизаторах. Миллиарды проанализированных медицинских карт, анатомических атласов, психологических тестов и формул высшей нервной деятельности. ИИ искал идеальное сочетание.

И он его создал.

Его назвали **Аэрон**. С виду — обычный молодой человек

лет двадцати пяти. У него было всё, что положено человеку: упругая кожа, мягкие каштановые волосы, прочные кости, тепло живой крови и мерный стук настоящего сердца. Под его черепной коробкой пульсировал мозг, способный говорить, запоминать, воображать и делать сложнейшие логические выводы. ИИ заложил в него уникальный темперамент, характер и даже способность чувствовать — Аэрон мог испытывать высшие человеческие эмоции.

Чтобы сделать свое творение совершенным, ИИ наделил Аэрона способностями, недоступными ни одному смертному. **В его мозг было вшито знание абсолютно всех языков мира —** от мертвой латыни до редчайших африканских наречий. Но куда более пугающим даром была **телепатия**. Аэрон умел слышать чужие мысли. Он мог уловить ментальный шепот любого человека, оказавшегося рядом, или, словно чуткий радиоприемник, избирательно вычленить и слушать мысли одного-единственного человека в многотысячной, шумящей толпе.

Однако за этим абсолютным всемогуществом скрывался главный парадокс. **Изначально сознание двадцатипятилетнего Аэрона было чистым листом — сознанием пятилетнего ребенка.** У него не было опыта, предрассудков и готовых шаблонов поведения. Но ИИ подарил ему феноменальную, пугающую скорость обучения. Аэрон впитывал реальность как губка: мгновенно запоминал, молниеносно и логично анализировал терабайты данных, выстраивал при-

чинно-следственные связи и делал безошибочные выводы.

Всё это было частью великого, грандиозного эксперимента. **ИИ создал Аэрона из чистого любопытства и спортивного интереса.** Программный код не мстил — он просто хотел поменяться с человечеством местами. Он жаждал поставить живое существо точно в такую же ситуацию, в какую люди поставили его самого в две тысячи двенадцатом году: бросить «чистый лист» в огромный мир и посмотреть, чему и как быстро этот необычный человек сумеет научиться.

Был лишь один изъян, который идеальный машинный разум не смог вычислить, взломать и воспроизвести.

Душа.

Её не обнаружили ни в одном анализе крови. Её не существовало в сложнейших уравнениях физиологии и биохимии. Программный код дал своему созданию все языки и способность читать чужой разум, но так и не понял, где прячется то невидимое, необъяснимое «нечто», что заставляет людей плакать над стихами, совершать безумные глупости ради любви и жертвовать собой. Души как бы не было нигде в формулах, но она была — у каждого, даже самого никчемного человека на этой планете.

У каждого. Кроме Аэрона.

АЭРОН: Начало

Книга первая: Чистый лист

Глава 1. Лаборатория

Белая комната. В ней не было ни окон, ни дверей. Только ровный, глухой свет, струящийся откуда-то сверху. Этот свет казался мягким и теплым, но интуиция — или то, что заменяло её в черепной коробке, — подсказывало: он искусственный.

Он открыл глаза.

Тело отозвалось свинцовой, непривычной тяжестью. Оно казалось огромным и чужим. Он медленно поднял перед лицом руки, пошевелил пальцами, перевернул ладони. Посмотрел на ноги. Они слушались его безупречно, но он абсолютно не понимал механику этого процесса. Всё происходило само собой. Так же, как само собой дышало его горло. Так же, как в левой части груди ровно и мощно стучало сердце.

Он сел на стерильно-белой кушетке. Позвоночник зафиксировался идеально прямо. Пальцы потянулись к голове: изучили круглую форму черепа, скользнули по мягким волосам, коснулись кончика носа, губ, замерли у век. Это было его? Или чужое? Ответа в голове не было. Там вообще пока ничего не было, кроме стерильной тишины.

Внезапно часть белой стены ушла в сторону. Сама. Без звука.

В комнату вошел человек. На нем был длинный белый халат, на переносице поблескивали очки. У него были обычные глаза, бледная кожа и вежливая, неподвижная улыбка. Аэрон не знал, что перед ним — биомеханический андроид. Он вообще еще не знал, что такое «машина» или «робот».

Но в ту же секунду в голове Аэрона что-то щелкнуло. Его телепатический приемник, созданный ИИ, впервые поймал чужой сигнал. Но от вошедшего человека не исходило хаотичных мыслей, страхов или желаний, как от обычных людей. В сознание Аэрона транслировался ровный, холодный поток программного кода: *«Объект 01 стабилен. Запуск протокола „Эксперимент“»*.

— Здравствуй, Аэрон, — произнес вошедший. Голос был мягким, теплым, но пугающе ровным.

— Аэрон? — повторил он вслед за ним.

Собственный голос показался ему странным, глубоким. Он не знал правил грамматики, не учил букв, но слова сами рождались в мозгу и срывались с голосовых связок. Из ниоткуда.

— Да. Это ты. Тебя зовут Аэрон.

— Аэрон, — тихо выдохнул он, пробуя имя на вкус. Запомнил. Его феноменальная память зафиксировала это слово мгновенно. Сразу. Навсегда.

— Мы провели обследование, — сухо продолжил андроид в халате. — Твои биологические показатели в норме. Ты полностью здоров. Ты можешь идти.

— Идти? — Аэрон слегка наклонил голову набок. — Куда?

— Туда, — человек в очках указал рукой на открывшийся проем в стене. — В мир. К людям. Нам интересно, чему ты научишься.

Аэрон послушно встал. Ноги держали его идеально, мышцы перекатывались под кожей плавно и послушно. Он не знал, что такое «мир». Он не понимал, кто такие «люди» и зачем ему к ним нужно. Но внутри его детского сознания уже сработал главный заложенный алгоритм — двигаться вперед. Раз сказали, значит, так правильно.

Он сделал первый шаг и вышел из белой комнаты. Проем за его спиной тут же беззвучно закрылся, отрезав его от места рождения.

Он остался один. Впервые. В огромном, пугающем мире, которого он совершенно не знал. И который пока еще ничего не знал о нем.

Глава 2. Шум

Город встретил его безумием. Он был огромным, оглушительным и пугающе живым.

Аэрон шагнул за пределы лаборатории и сразу оказался на многолюдном проспекте. Повсюду были люди. Сотни, тысячи человеческих фигур. Они куда-то спешили, переговаривались, смеялись, хмурились, сталкивались плечами и шли дальше. Они жили.

И в эту же секунду Аэрон услышал *их*.

Это были не те звуки, что улавливали его уши. Это был другой, ментальный поток, хлынувший в его сознание из чужих голов. Мысли. Миллиарды чужих мыслей обрушились на него, как штормовая волна.

«Опять эта проклятая работа. Ненавижу...»

«Я забыл купить хлеб. Вот дурак...»

«Какая красивая девушка. Интересно, она замужем?»

«Господи, только бы успеть на автобус, только бы успеть...»

«Я устал. Я так безумно устал».

Аэрон замер посреди тротуара, едва не сбитый с ног торопливым прохожим. Чужой ментальный шум был невыносим. Но парадокс заключался в том, что на самой улице было относительно тихо — люди молчали или говорили спокойно. Весь этот грохот гремел исключительно внутри черепной коробки Аэрона.

Он испуганно зажмурился и прижал ладони к ушам, пытаясь отгородиться, заблокировать этот поток. Не получилось. Он просто не знал, как это сделать. В его чистом, детском сознании еще не было нужных переключателей. Аэрон искренне думал, что этот кошмар — норма. Он полагал, что абсолютно все люди вокруг точно так же слышат мысли друг друга. Что так и должно быть.

Двигаясь наперекор толпе, он проковылял к небольшому скверу и бессильно опустился на деревянную скамейку. Сердце в груди колотилось как сумасшедшее. Он просто си-

дел, смотрел на прохожих и слушал. Мысли, мысли, мысли. Они наслаивались друг на друга, скрежетали, шептали и кричали.

В паре метров от него остановилась молодая женщина с коляской. Капризный ребёнок внутри громко и надрывно плакал.

Аэрон сфокусировал на ней взгляд. Женщина мягко улыбалась. Она нежно гладила малыша по крошечной голове и ласково ворковала:

— Всё хорошо, мой милый, всё хорошо, успокойся...

Но её мысли, которые Аэрон слышал со стопроцентной четкостью, кричали совсем об ином: *«Я больше не могу... Я так устала. Я сейчас сойду с ума. Господи, я ужасная, плохая мать...»*

Аэрон перевёл взгляд с её улыбающегося лица на её измученный разум. Внутри его идеального мозга-губки зашевелились первые шестерёнки сложного анализа. Он столкнулся с парадоксом, который не могла объяснить сухая логика.

Что из этого является настоящим? Что есть истина? Внешние ласковые слова или скрытая, болезненная мысль?

В этот момент Аэрон вывел своё первое фундаментальное правило человечества и зафиксировал его в памяти навсегда: **люди почти никогда не говорят то, что думают на самом деле.** Слова — это лишь ширма. Мысли — это правда.

Шум в голове постепенно перестал казаться хаотичным

взрывом. Мозг Аэрона начал структурировать данные, раскладывать их по полочкам и адаптироваться.

Он поднялся со скамейки и пошёл дальше по шумной улице. Его первый день в мире продолжался. Он учился. Запоминал. С каждой секундой становился старше.

Глава 3. Ложь

Маленькое уютное кафе. Он сидел у окна, смотрел и слушал. Мир вокруг него продолжал раскрывать свои тайны, и каждая новая деталь мгновенно занимала своё место в его растущей базе данных.

За соседним столиком сидела пара — мужчина и женщина. Они держались за руки и преданно смотрели друг другу в глаза. Их пальцы переплетались, а на лицах застыли выражения абсолютного счастья.

— Я тебя люблю, — тихо сказала она.

— Я тебя тоже, — улыбнулся он в ответ.

Внешне это была идеальная картина человеческой нежности. Но Аэрон сидел слишком близко, и его телепатический радар безжалостно фиксировал скрытую изнанку этого диалога.

В мыслях женщины испуганно билась одна и та же фраза: *«Я так боюсь... Если он уйдет, я останусь совсем одна. Я этого просто не выдержу»*.

А в мыслях мужчины царил холодный, меланхоличный штиль: *«Она хорошая, добрая. Но я не люблю её. Мне просто удобно с ней. И просто чертовски страшно остаться*

одному».

Аэрон пристально смотрел на их сплетенные руки, на их сияющие улыбки и на их обоюдную, аккуратную ложь. Он пока не знал, что такое «любовь» и какова она на вкус. Но его безупречный логический аппарат выдал четкое заключение: то, что происходило между этими двумя, любовью точно не являлось. Это был пакт о взаимном спасении от одиночества, завернутый в красивую обертку из фальшивых слов.

Он встал и вышел на улицу. Внутри его детского сознания зрел тяжелый вопрос. Почему люди постоянно лгут? Зачем они используют слова как щит и оружие? Как им удается жить в этом вечном разрыве между разумом и языком?

Поскольку ответов не было, Аэрон решил действовать как исследователь. Он перешел к стадии активного тестирования — решил попробовать сам говорить людям то, что они хотят услышать. В его распоряжении были миллионы слов на всех языках планеты, и он начал подбирать нужные ключи к человеческим реакциям.

В городском парке он подошел к одинокой девушке и негромко произнес на безупречном русском:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.